

ВАДИМ ГРИНЁВ

**ОРУЖИЕ
БИЗАНЦА**

18+

Вадим Гринёв

Оружие Бизанца

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50185725

SelfPub; 2020

Аннотация

После поражения в Сталинградской битве германские ученые по заданию Гитлера приступили к разработке секретных видов оружия. На Балтийском побережье проводились экспериментальные атомные взрывы небольшой мощности. В секретных лабораториях тылового Львова разрабатывалось биологическое оружие под руководством полковника Бизанца. Его испытывали на военнопленных европейцах, содержащихся в казематах Львовской Цитадели. Командир советских разведчиков капитан Шепеленко взрывает питомники паразитов, зараженных смертельной формой тифа.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед приездом советской подставной абверкоманды во Львов у ее командира не было сколько-нибудь надежной информации об Альфреде Бизанце. И командиру, и его заместителю Тиссену, да и всем членам команды, было крайне необходимо знать, «ориентировку» на Бизанца. Откуда его корни, и чем он «дышит». Рискую утомить читателя историческими подробностями нашего бытия, мы все же попробуем докопаться до тайны рода Бизанцев с помощью Интернета. О Бизанцах сегодня можно многое прочесть в сетях. Тогда, в прошлых 40-х, Центр нам сообщил наиболее важные моменты из жизни фашистского чиновника: «Бизанц – член нацистской партии с 1932-го. Окончил Берлинскую разведшколу Абвера в 1934-ом. В Рейхе при штабе «Валли» работал с украинскими эмигрантами. Заместитель губернатора Галиции Отто Вехтера по управлению концлагерьями, разведкой и контрразведкой. По просьбе ОУН организовал в 1940-ом диверсионные школы в Стрию и Люблине. Через агента Абвера Иосифа Галицкого перебрасывает диверсантов в Восточную Украину. Помощники Бизанца во Львове – председатель УЦК Владимир Кубиевич и его зам Кость Панкивский. Ежедневно информирует губернатора о политических настроениях в Галиции». Этих сведений и тех, которые мы получили от полковника Рокито, нам было вполне достаточно, чтобы уяснить, что Бизанц крупная фигура в Галицком дистрикте. Это была фигура для нашей коман-

ды «дружественная» и опасная одновременно. Команде пришлось очень тесно общаться с полковником Бизанцем. Он был «добрым» куратором команды, благодаря рекомендациям его друга по Абверу – полковника Рокито.

Любопытная информация появилась в сетях в начале 2000-х. Из совместной статьи украинского историка Ю. Шаповала и российского – Д. Веденеева узнаем, что Р. Шухевич с 1943-го перешел на нелегальное положение. Львовское гестапо арестовало его жену Наталью Березницкую – Шухевич. Рискавя быть арестованным, Р. Шухевич встретился с Бизанцем, и гестапо освободило его жену.

Из украинских источников узнаем, что Бизанц родился в Галиции в 1890-ом, в селе Дорнфельд, – теперь это село называется «Тернополя». Это Пустомытовский район Львовской области. И отцом его, возможно, был этнический немец, скорее австриец, а мать по слухам была местной украинкой. Так что, «арийское» происхождение Бизанца – сомнительно. С помощью современного Интернета продолжим дальше углубляться в исторические дебри.

В период первой мировой А. Бизанц – кадровый офицер австрийской армии. Отличился в Вовчуховской операции и Чертковском бою, где был одним из организаторов сопротивления Брусиловскому прорыву в Карпатах. За успешные действия его бригады получил звание подполковника. После развала Австро – Венгерской империи и начала украино – польской войны в ноябре 1918-го за обладание Львовом, он

становится офицером Украинской Галицкой Армии (УГА). После перехода УГА за Збруч в 20-х в звании подполковника армии УНР участвовал в походе объединенных украинских армий на Киев и Одессу. После эпидемии сыпного тифа УГА вступает в вынужденный союз с Красной Армией против поляков и немцев, а Альфред Бизанц назначается командиром 2-ой бригады Красной Украинской Галицкой Армии (КУГА). Бизанц безукоризненно владел немецким, украинским, и русским языками. Так случилось в нашей русско – украинской истории, что «бригадефюрер» А. Бизанц подчинялся своему командиру, борцу за советскую власть в Украине, товарищу В. П. Затонскому (1888-1938), командующему объединенными армиями большевиков. В апреле 1920-го при совместном наступлении поляков и армии УНР на Киев, обороняемый Красной Армией, 2-я бригада Бизанца покинула Красную Украинскую Галицкую Армию, перешла фронт и соединилась с частями УНР. После заключения Рижского договора и квазиперемирия между немцами, русскими и поляками, Бизанц (по украинским данным) становится бауэром- «огородником» в своем небольшом имении в Пустомытах. В территориальных спорах между Германией и Россией после очередного раздела Польши в период 1939 – 1941г.г., Бизанц (как выпускник абверовской школы и знаток большевистских русско – украинских разборок) становится «референтом украинских дел» в управлении Генеральной Губернией в Кракове. Опытный абверовец со ста-

жем, он с осени 1941-го перебирается во Львов и назначается «председателем общественной опеки украинского населения». Его бюро на ул. Чарнецкого, 14 осаждали по разным делам. Он ходил там, кричал, размахивал руками, к каждому обращался по дружески на «ты», и на том кончалось. «Люди-на вин був доброго серця, и нэ кривдыв никого, чи то украинець, поляк, и навить еврей». (Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты).

По поручению галицкого губернатора Отто Вехтера в апреле 1943-го Бизанц возглавил Военную управу «Галичина» и осуществлял формирование дивизии «СС – Галичина». В ходе Бродовской операции командир этой дивизии пруссак, уроженец Алленштайна, генерал Фриц Фрейтаг, член НСДАП, карьерист и бездарный стратег снимался с должности Бизанцем и Вехтером. Но Гиммлер защитил Фрейтага от позора. (Своих не сдают). Однако, Фрейтаг был настоящим прусским офицером и застрелился 11 мая 1945-го в местечке Сент – Андре в Венгрии.

Наступил послевоенный хаос. В советской оккупационной зоне в Австрии оказалась жена Бизанца. Он, удачно добравшийся в американскую зону, надеясь на счастливый случай, оказался в Вене. Его «отфильтровали» и арестовали работники СМЕРША. Во Владимирском центре, якобы за саботаж каких-то работ, Бизанца приговорили к расстрелу, и расстреляли в 1951 году. Любопытна история семейства Бизанцев. Их корни уходят в далекие и нескончаемые евро-

пейские религиозные войны.

Немцы – меннониты, пришли на Днепровские берега из Нидерландов. Эту протестантскую секту основал в 16 веке Менно Симонс. Меннониты отказываются от насилия, проповедуют смирение и верят во второе пришествие Христа. Что-то подобное есть и у наших доморощенных баптистов. О деятельности более известных протестантов – Жана Кальвина (1509 – 1564) и Мартина Лютера (1483 – 1546) и о лютеранах, кальвинистах и прочих реформаторах, вождях антифеодальных крестьянских войн в средневековой Европе, нам рассказывают в школах. А, вот о таком деятеле Реформации, как Теодор де Беза (1519 – 1605), наши историки меньше вспоминают. Этот аристократ проживал во Франции и Швейцарии и стал главой европейских кальвинистов после смерти Ж. Кальвина, отличавшегося крайней религиозной нетерпимостью. Кальвинизм, как основной корень протестантизма, пророс сначала в швейцарской Женеве. Затем дал обильные плоды во Франции (гугеноты), распространился в Германии, Нидерландах, Англии и Шотландии. Теодор де Беза этому сильно способствовал, и в его честь пограничный со Швейцарией французский город называли Безансоном. Этот город – родина В. Гюго, П. Прудона и Ш. Фурье. Последних двоих наш русский реформатор В. И. Ленин часто упоминал в своих произведениях, и те, кто давным давно изучал марксизм – ленинизм в наших институтах, вероятно, помнят эти фамилии. Фамилии Бизансов носили несколько

семей из предместий Безансона. Французские гугеноты Бизансы вынуждены были скрываться от религиозно – социальных преследований сначала в Швейцарии, а затем в Германии.

В Галиции Бизанцы появились в начале 18 века во времена переселенческих волн немецких колонистов. Эти волны хлынули на русские земли еще до Петра Первого и Екатерины Второй. Гражданин Львова Густав Бизанц родился около 1850 года в семье немецких колонистов из села Куты, что под Стрыем. Густав окончил реальную школу, поступил во Львовскую Техническую академию (ныне Львовский политехник) и выучился на архитектора. Сделал карьеру заведующего кафедрой наземного строительства и архитектуры. Избирался деканом архитектурного факультета и ректором академии. Как зодчий, Густав Бизанц под руководством знаменитого Юлиана Захаревича проектировал главный корпус Львовской политехники. К его творческим достижениям относят ряд жилых городских зданий в стиле барокко. Возле оперного театра он возвел оригинальное здание промышленной школы, отличающееся строгой функциональностью своих помещений. В начале улицы Зеленой по его проекту построена лютеранская церковь. Себе Г. Бизанц построил скромный одноэтажный особняк в готическом стиле по улице Кшижовой, в советский период ул. Пушкина, ныне ул. Генерала Чупринки (псевдоним Р. Шухевича). В этом самом особняке проживал с 1941 по 1944-ый полковник абве-

ра Альфред Бизанц – родственник Густава по отцовской линии.

Зомбирование Геббельсовской пропагандой западно-украинской молодежи в оккупированном Львове не было бы столь эффективным, если бы в Галиции не существовало исторической пронемецкой почвы. И впервые немецкое семя во Львове посеял польский король Казимир Великий, воспользовавшийся падением нравов среди русских князей. Это описано в книге Варфоломея Зиморовича (1597 – 1677) «Тройственный Львов», изд-во «Центр Европы», г. Львов, 2014г, перевод с латинского Натальи Царевой.

В. Зиморович, львовский историк не раз избирался бургомистром Львова, был свидетелем войн Б. Хмельницкого 1648 – 1655г.г. и турецкой осады Львова в 1672г. В те времена латынь была общеевропейским языком, информационно объединяющим страны Западной Европы в одно католическое сообщество. Зиморович делит историю Львова на три периода: русский (XI – XIV) век, немецкий (XIV – XV) век, польский (XV – XVI) век.

Сын Данилы Галицкого Лев не имел детей. Его сестра Мария, вышла замуж за поляка Тройдена Зимовита. Она родила сына Юрия Тройденовича, который провозгласил себя русским князем Болеславом и принял Львов во временное княжение. Дав волю своим необузданным страстям, Болеслав, – как, впрочем и Владимир «Ясно солнышко», – развратничал с чужими женами и раздражал простой люд налогами.

Эту двойную похоть своего князя западные русские бояре покарали, отравив Болеслава в 1340 году. Год спустя польский король Казимир Великий захватил Львов и снизил налоги. Жители города жаловались королю на набеги венгров, татар и литовцев. Казимир огородил Львов башнями и каменной стеной, и чтобы навсегда избавить львовян от боязни завистливых соседей ввел в город – крепость немецкий гарнизон. Немцам, славящимся выдержкой, он доверил охрану своей особы и охрану правительства в столичном Кракове. Казимира называли королем холопов, так как он и немцам и своим подданным разрешил пользоваться демократическим Магдебургским (Саксонским) правом. На первых порах немцы во Львове имели статус наемников, готовых дать отпор любой вражеской силе. Дисциплина и воинский порядок в их среде запрещал немцам заводить семьи. Казимир щедро награждал немцев землями вокруг Львова. Со временем город обрел спокойствие, и немцы стали обзаводиться женами, чему был рад Казимир, полагая, что семьи привяжут немцев навсегда к его королевству. Немцы стали считать себя гражданами Львова и уже защищали его и другие города Галиции, как свою собственность. Католик В. Зиморович отмечает: «...все, что к 1650 году Львов имеет святого и лучшего, все это он взял от первых немцев. Особенно их богобоязнь, уважение к монархам, любовь к своим домочадцам, гостеприимство к чужим. С приходом немцев из города были изгнаны вредные ворожки, пророчицы и колдуны, безбож-

ные магометане с их звериными выкриками и еврейская голота, ненавистная небу и людям... Их стараниями и деньгами построено несколько костелов, переведены ближе к городу монастыри и перенесен митрополичий престол из Галича... Поздняя Венера для молодежи, в результате чего подростки не ослаблены. Стол без излишеств, открытая и голая у всех мысль, никакого хвостовства. Никто у них не смеется с недостатков других. Наконец, для меня есть главным их суровые брачные обычаи и никаких извинений за их нарушения...».

Со многими характеристиками, которыми Зиморович наделил немцев к 1650г., вряд ли бы согласились, жители многих европейских стран, оккупированных немцами в двух мировых войнах. Их власть, по выражению грекокатолического митрополита Андрея Шептицкого, была страшнее и бесчеловечнее, чем большевистская власть. В далеком XVІІ веке во Львове многие из простолюдинов немцев недолюбливали. Вот поговорка тех лет, приводимая Зиморовичем:

Багато хлиба и жинок

Зловылы нимци на гачок

Правда, в этой поговорке заключена скрытая зависть галичан к немецкой удачливости и повышенному спросу немецких мужчин у львовских женщин. Что-то похожее есть и у Т. Г. Шевченко: «...А на Хортыци мудрый немец картопельку сие...».

И еще одна сентенция о современных немцах. Русский по-

эт Владимир Высоцкий как-то недоумевал по поводу отсутствия у немецких должностных лиц чувства юмора. В Берлинском аэропорту таможенник задает ему вопрос: «Везете ли с собой оружие, наркотики и другие запрещенные продукты?». Нужно было ответить «нет» или «да, в лекарствах». Наш поэт решил покуражиться и на этот стандартный вопрос таможенника, широко улыбаясь, ответил, что у него пистолет и несколько пачек героина. Его ответ таможенник воспринял «всерьез» и предложил предъявить заявленные вещи и указать источник их появления у пассажира международной авиалинии. Владимир извинился и сказал, что он пошутил. Таможенное начальство из-за этой шутки пыталось снять шутника с рейса.

Улаживать инцидент пришлось посольским сотрудникам. Немцы уважают государственную службу, а их госслужащие не терпят насмешек и вранья даже в малом.

Керчь, март 2020 В. Гринев

ПРОВОКАТОРЫ ШТИГЛИЦ И МИКА

Слово взял Тиссен :

– Просто освободить агентов СД мы не можем. Расстрелять их – все равно какие-то следы их исчезновения останутся. Самое неприятное то, что из-за них может сорваться операция. Я думаю, – нам надо привезти этих агентов в управление СД, и как следует прижать полковника. У нас есть серьезные улики против него.

– У нас нет времени заниматься разоблачением полков-

ника, – возразил следователь Луцив, – но вот разоблачить Мику перед ним это в наших силах. Как вы думаете, господин капитан?

Пока я думал, что ответить слово взял лейтенант Розенберг.

– Я не совсем согласен с доводами обер – лейтенанта Луцива. Ведь по материалам дела четко доказано, и Мика это твердо подтвердила, что ее шеф законченный негодяй, организатор умышленных убийств невиновных людей. Мика – его сообщница, но она была лишь игрушкой в руках преступника.

– Давайте не забывать, что в эту опасную игру с СД втянут еще и опытный агент со стажем фельдфебель Пармен. Хотя, он тоже подписал протокол и дал показания против полковника, он может в любой момент отказаться от своих показаний под предлогом, что абверовцы ему угрожали расстрелом, – возразил Розенбергу лейтенант Мартенс.

– Замечание лейтенанта Мартенса вполне резонно, согласился опытный следователь Луцив, – впрочем не только фельдфебель, но и сама девица может сказать, что ее хотели изнасиловать, и она вынуждена была подписать протокол. Я убежден, что только сильный психологический нажим на полковника приведет к успеху. И этот нажим осуществить под силу только нашему командиру. Девица эта – большая дрянь, поверьте моему опыту следователя, господи! И нечего ее жалеть! Ночью она трахала офицеров, а утром сдавала их

на убой! Тоже мне Клеопатра!

Совещание перешло за полночь. Большинство молодых офицеров поддерживали Розенберга в его предложении пожелать юную девушку. Мне пришлось взять заключительное слово.

– Господа! Я частично разделяю доводы наших молодых офицеров. Но идет беспощадная война с врагом, который пришел со смертью на нашу землю, и лейтенант Луцив прав, – в данной ситуации Мика является самым главным козырем против начальника Ковельского СД. И, только сходяв с этого козыря, фактически пригвоздив эту змею, мы устраним серьезную проблему для выполнения задания Центра! А сейчас господа всем спать – завтра, вернее, уже сегодня у нас очень важный и трудный день.

Утром с восходом солнца мы снарядили три грузовика с солдатами и две легковушки с офицерами и арестованными. К восьми утра мы отправились в Ковель. Оставшиеся в Турийске солдаты и офицеры были готовы по первому сигналу выехать к нам на помощь. Первыми выехали я с Тиссеном и офицер связи лейтенант Функ. Наша машина остановилась возле здания бывшего железнодорожного техникума, где размещалось местное управление СД,

У въездных ворот управления стояли часовые. Выйдя из машины мы с Тиссеном и Функом, подошли к воротам.

– Нам нужен начальник СД, – потребовал я.

– Сейчас вызову дежурного, – ответил часовой, и не торо-

пьясь вошел в сторожевую будку с телефоном. Переговорив по аппарату часовой занял свое место. Через пару минут появился высокий и плотный лейтенант с повязкой дежурного.

– Чем могу быть полезен, господа офицеры?

– У нас срочное дело к полковнику Штиглицу, – заявил я, предъявляя удостоверение.

– Извините, господин капитан, но вы ошибаетесь! – иронически заметил дежурный, возвращая мне удостоверение, – наш начальник еще не получил полковника! Представление только недавно ушло в Берлин. Многие сотрудники льстиво его уже величают полковником. Сейчас я доложу о Вас подполковнику, – он уже на работе. Следуйте за мной, господа.

Мы все трое прошли во двор вслед за дежурным офицером. Я посмотрел на сосредоточенные лица своих офицеров, и понял о чем они думают. Мы все знали, что между абвером и СД существует жесткая конкуренция. Ведь Канарис и Гейдрих просто ненавидят друг друга. После Сталинграда мнение о вездесущности и эффективности абвера у высшего руководства рейха померкло. Гитлер обвинял Канариса во многих провалах ключевых войсковых операций. Позже, он вообще приказал его повесить за измену. Вспомнив наше затянувшееся ночное совещание, я настроился на бой. Главное, – я знал, что морально – христианская и законная сила государства, даже фашистского, – на нашей стороне. Психологи, которые работали с нами в Москве, не раз подчеркивали, что смелые и решительные действия приводят к успеху.

Важно – заставить признать начальника СД факты фальсификации арестов и расстрелы невинных людей. Тиссен, как бы проявляя спокойную беспечность, сломал веточку с давно выгоревшей кистью сирени и показал ее Функу.

– Смотри, Вальтер, какая здесь стоит жара! – Тиссен растер сухие цветки, понюхал сам и поднес к носу Функа.

– Запах сохранился! Можно духи делать! – заметил Вальтер.

Возвратился дежурный, и приветливо улыбаясь, насмешливо предостерег:

– Господа! Подполковник ожидает вас! Правда, он сегодня что-то нервный. Не ночевал дома. Машина с периферии не пришла. Вы на это не обращайте внимания, шеф у нас обычно уравновешенный.

Поднимаясь по лестнице на второй этаж вместе с дежурным, Тиссен жестом обратил мое внимание на большое окно. В нем я увидел, как к противоположной стороне улицы подъехали наши машины. Это придало мне еще большей уверенности и нахальства. Лейтенант провел нас в приемную, и передав караульному фельдфебелю, ушел. Фельдфебель зашел в кабинет и вышел через несколько секунд. Он сказал, что зайти к начальнику можно только двоим, и предложил Функу остаться в приемной. Функ расположился у окна, из которого он мог видеть наши машины.

Мы с Тиссеном вошли в просторный кабинет. С левой стороны, возле двух полуоткрытых окон стояло несколько

стульев. У стены напротив находился диван, перед которым на круглом столике стоял графин с водой. Прямо, над дубовым двухтумбовым столом, висел большой портрет Гитлера в золоченой раме. Под портретом, располагалась крупномасштабная карта Европы с разноцветными флажками. На столе мы увидели стопку папок, телефонный аппарат и массивный мраморный чернильный прибор.

Хозяином кабинета оказался крупный, краснолицый, выше среднего роста, подполковник, лет под шестьдесят. Он стоял за своим рабочим местом. Его колючий взгляд белесых, навывкате, глаз производил неприятное впечатление. Крупные черты – большой нос, большие уши и огромные залысины на черепе с редкой растительностью – не вызывали симпатии.

На наше приветствие он вяло поднял правую руку. Мой рыцарский крест привлек его внимание, и взгляд подполковника смягчился. Мне показалось, что он слишком долго рассматривал наши удостоверения. Нервы у меня и Тиссена были на пределе. Вернув удостоверения, подполковник обратился ко мне :

– Чем я, уважаемому коллеге, могу быть полезен?

В его высокомерном тоне я почувствовал неприязнь. Он нам не предлагал присесть, и разговор мы продолжали стоя.

– Господин подполковник! Мы прибыли к вам с периферии по очень важному и срочному делу! Мы хотим вместе с вами разобраться в одной запутанной истории, и предосте-

речь вас от больших неприятностей.

При этих словах подполковник сжал кулаки и вдавил их в стол. Его колючий взгляд расстреливал то меня то Тиссена.

– Внимательно слушаю вас , господа!

Подполковник присел за стол, взял из прибора остро заточенный карандаш и лист бумаги. Еще раз смерив нас острым взглядом, подполковник все же предложил нам присесть на стулья возле стола. После этого он выпроводил дежурного фельдфебеля и снова обратился ко мне :

– Вероятно, у нас будет долгая беседа, капитан?

– Дело весьма и весьма неприятное. Вчера под вечер в расположении моей команды, в городе Турийске, нами задержаны при подозрительных обстоятельствах трое мужчин и одна женщина, господин подполковник.

– Что, русские парашютисты? – настороженно спросил подполковник, придвигаясь креслом ближе к столу.

– Мы тоже слышали о парашютистах, господин подполковник, но дело не в них. Когда мы подвергли задержанных допросу, то некая Мишель Штильзайер, – работница телеграфа на станции Ковель, – сказала, что она сотрудница, а водитель автомашины и двое других мужчин – агенты СД.

У подполковника задрожала рука, и он сломал грифель карандаша. Он увидел, что я это заметил и откинулся на спинку кресла, убрав руки со стола. Я спокойным, уважительным тоном младшего офицера, продолжал разрушать его душевное равновесие.

– Женщина показала, – что кстати подробно записано у нас в протоколах, – что она является секретным сотрудником СД, и находится у вас на личной связи, господин подполковник! – тут я выдержал паузу, прямо глядя в глаза своего визави. – Она показала, что вы ее вместе с двумя другими сотрудниками послали арестовать моего офицера лейтенанта Штрейхера. Она подозревает, что он русский парашютист, господин подполковник!

– Простите, господа! Откуда у вас такие данные?! – лицо подполковника побагровело, – он встал и снова уперся кулаками в столешницу. – Это, – какая-то ошибка!

– Господин подполковник! Девушку мы подвергли подробному допросу. Она, без каких-либо методов давления или принуждения, господин подполковник, показала, что она лично вам давала на нашего лейтенанта вымышленную информацию. Она сказала, что вероятно, вы на основании слухов среди населения о высадке русского десанта решили арестовать лейтенанта. Мне кажется, господин подполковник, что ваша сотрудница сознательно вводит вас в заблуждение.

Подполковник, стоя за столом, рубанул кулаком по столешнице и со сверкающим взглядом своих выкатывающихся глаз, накинулся на меня с нескрываемой ненавистью:

– Кто вам дал право, капитан, подвергать допросу моих сотрудников?! Вы же понимаете, что за такие дела – трибунал?! Нужно было немедленно отпустить их, как только вы

узнали, кто они!!!

Я выдержал выпад подполковника.

– То, что девушка ваш агент – выяснилось только в процессе следствия. На очной ставке она была изобличена, как провокатор, а задержанные нами мужчины похожи были на партизан. Они пытались обезоружить моего лейтенанта, и были захвачены в самый опасный момент. Мы расценили это, как попытку похищения офицера абвера с целью завладения его оружием и документами.

Подполковник вышел из-за стола и спрятал свои руки за спину. Он сделал несколько шагов к окну и обратно.

– Кем же оказались эти мужчины? – тихо спросил он.

– Этих двоих, которых мы посчитали партизанами, мы хотели расстрелять на месте, согласно приказа фюрера. Но потом решили допросить. Они оказались официальными сотрудниками СД: фельдфебель Пармен и сержант Гиллер, – ответил, сдерживая себя, чтобы не рассмеяться, вспомнив сцену из «Трех мушкетеров», где кардинал Ришелье срамил своих гвардейцев после проигранной ими стычки с мушкетерами. Если бы не важнейшая операция, я позволил бы себе это удовольствие – посмеяться над подлым и наглым подполковником.

Он медленно стал расхаживать между столом и окном, заложив руки за спину, видимо, размышляя как сохранить хорошую мину и свое посрамленное достоинство. И внезапно, в бессильной ярости, он заорал:

– Если я послал лично доставить ко мне подозреваемого лейтенанта, значит он должен был быть немедленно арестован и доставлен в управление!

– Господин подполковник, вкрадчиво вмешался в наш разговор молчавший до того Тиссен, Мишель Штильзайер без принудительного воздействия показала, что она давала вам фиктивные доносы не только на нашего лейтенанта, но и на майора интендантской службы, у которого была похищена крупная сумма денег, и на двух капитанов вермахта, которые были затем без трибунала расстреляны. Вы извините, господин подполковник, что мы – младшие и по званию и по возрасту, говорим вам это. Нам очень неприятно, – заключил миролюбиво интеллигентный Тиссен.

Подполковник еще больше рассвирепел. Нервно пройдя путь от окна к столу, он остановился очень близко возле Тиссена, наклонил бычью голову, и испепеляя моего друга своими страшными глазами, выстрелил фразу по слогам :

– Я запрещаю вам, мо – ло – ко – со – сы, вмешиваться в мои дела!!! – при этом он распрямился, и почему-то пристукнув каблуками, отошел к креслу. Своей тяжелой ручищей он резко сдвинул кресло и уселся за стол, стараясь сдержать предательски дрожащие руки. Наступила тягостная пауза. Я понял, что подполковник, не желая «признавать свои ошибки», в слепой ярости и злобе может натворить таких дел, которые могут закончиться перестрелкой и срывом операции.

– Уважаемый господин подполковник! – тихо и миролюбиво нарушил я затянувшееся молчание – мы приехали сюда не ругаться с вами, а спокойно разобраться и избавить вас от провокатора! И так много глупых насмешек и издевательств приходится слышать от армейских офицеров о ненужной конкуренции между абвером и СД. Зачем нам это?! Зачем, когда ухудшается обстановка на фронте, это нужно нашему фюреру? Если протоколы попадут в канцелярию, вы сами понимаете, чем это может закончиться.

Подполковник лег торсом на стол, придвинув свое лицо к моему, зажмурил глаза и сквозь зубы прошипел :

– Вы, что меня пугать собираетесь?! Хотите писать донос фюреру?! Да, вы знаете... – подполковник от волнения потерял дар речи, лицо его сделалось серым.

Я пожалел о сказанном. Если подполковника хватит сердечный приступ, – это только осложнит нашу работу по подготовке к операции. Я приподнялся со стула, и приложив руку к сердцу, как можно убедительнее и вежливее обратился к нему.

– Господин подполковник! Вы нас не правильно поняли! Если бы мы хотели доставить вам неприятности, мы бы не приезжали к вам, а сразу направили бы документы в Берлин. Мы только хотим вам помочь избавиться от провокатора! Вы же понимаете, что такой агент, как Мишель Штильзайер за деньги может настроичить донос на кого угодно! И на вас, и на меня, и на десяток невиновных офицеров. Это может на-

нести колоссальный вред Рейху! Эта девушка очень опасный элемент в наших секретных службах. Считаю, господин подполковник, разговор между нами законченным.

Подполковник снова заходил по кабинету и остановился возле окна. Он в раздумьи глядел на улицу. В его душе шла ожесточенная борьба между инстинктом самосохранения, собственным самолюбием, и честолюбием властного службиста. Какие-то молокососы из абвера подвергают сомнению его карьеру! Взгляд подполковника устремился на машины, стоявшие на противоположной стороне улицы.

– Это ваши машины, капитан?

Я молча кивнул. Он оторвался от окна, подошел ко мне и стал с любопытством разглядывать мой рыцарский крест. Я еще раз решил дать толчок борющимся в его душе чувствам.

– Провокационные доносы на моего лейтенанта могли привести к еще одной невинной жертве, а провокаторше Мике нужны были только деньги, – сказал обращаясь к Тиссену.

Подполковник поймал мой взгляд и решительно спросил:

– Где эти задержанные? Я хочу их видеть! Приведите их сюда! – в приказном тоне подполковника прозвучало плохо скрываемое бессилие.

Тиссен вышел в приемную и приказал Функу привести арестованных. Мы все трое: подполковник, Тиссен и я наблюдали из окна, как мои солдаты принимали сначала длинноволосого фельдфебеля Пармена, ловко спрыгнувшего с машины, за ним выпрыгнул круглолицый сержант Геллер,

а за ним помогли пожилому шоферу опуститься на землю. Мику деланно вежливо высаживал из легковой машины лейтенант Штрейхер. Четверых задержанных, в сопровождении еще трех автоматчиков, ввел в кабинет лейтенант Функ и расставил вдоль стены. Я наблюдал за подполковником и дивился его самообладанию. Этот опытный контрразведчик, кажется, справился с первым шоком. Он снова стал хладнокровным представителем власти. Но посмотрим, как он будет себя вести в присутствии своей юной любовницы, которую мы выбрали жертвой, а точнее «козочкой отпущения» грехов начальственных.

Пока я рассматривал арестованных, подполковник продолжал смотреть в окно, как бы отрешившись от происходящего. Закореневший преступник и бесстыжий растлитель воинской чести, по всем канонам общества и государства, обдумывал свою дальнейшую линию поведения. Его бы следовало отправить на дознание в трибунал. Наконец, не глядя на вошедших, он подошел к столу, молча раскрыл папку, достал исписанные листки и также молча подошел к испуганной девице. По-человечески и по-мужски мне было ее жаль. Но, это был враг в женском платье. Она заодно со своим начальником – душегубом лишила жизни не один десяток ни в чем не повинных жертв. Жертвами фашистов становились свои.

Подполковник поднес листки к самому лицу Мики, и нервно потрясая ими, вкрадчиво спросил:

– Это ты писала?

Мика молчала. Я восхищался актерскими способностями подполковника. Он изображал себе самому и окружающим его людям разгневанного Отелло. Вместо белого платочка в его руках была компрометирующая бумага. «Дездемона» улыбалась жалкой виноватой улыбкой, все еще надеясь, что подполковник не забыл, как она его «согревала» холодными ночами. «Отелло» потрясая исписанными листками требовал признания в измене от «возлюбленной».

– Я спрашиваю, – это вы писали?!

Бедняжка Мика, боясь посмотреть в глаза скотине, разыгравшей «праведный гнев» тихо так, что мы почти не слышали пролепетала:

– Да я...

Мы с Тиссенем именно этого и добивались. Фашист оправдал наши ожидания.

– Так, что – это ваша выдумка?! – перешел на визг престарелый негодяй, возвышаясь над присевшей от страха девицей.

– Мне нужны были деньги – у меня больная мать... больная мать... – повторяла, как заклинание, Мика.

Подполковник отскочил от нее на середину кабинета, как будто ужаленный коброй. Его любовница невольно продолжала изобличать его «высочайшее эс-дечество» перед молодыми абверовцами. Я глянул на Штрейхера и Функа. Они тоже восхищались этим «спектаклем». Жаль этого не видел

наш «шеф» адмирал Канарис, он бы точно присвоил нам очередные звания за показательное унижение СД-ка.

Столкнувшись на середине комнаты с юным лейтенантом Штрейхером, – виновником данной ситуации, – шеф Ковельского СД, подполковник Штиглиц, видимо понял, кого еще недавно собирался погубить. Он подскочил к Мике, свернул бумаги трубочкой и приподнял ее лицо.

– Значит, ты и раньше вытягивала из меня таким образом деньги?! – уже нормальным голосом проорал подполковник.

Дурочка Мика, наконец, поняла в какой переплет она попала. Мы молодые офицеры ждали, что вот – вот наступит кульминационный момент – «удушение возлюбленной». Мика безудержно зарыдала. Стыд, позор, унижение. Она задыхалась от рыданий. Перекошенное лицо с размазанной косметикой, сгорбленная, ставшая бесформенной фигура, сделали ее похожей на старуху. Штрейхер мне потом признался, что ему на мгновенье даже стало страшно. Все мы, присутствующие на этом спектакле офицеры НКВД, понимали, что Штиглиц уже принял решение спрятать концы в воду – Мика должна исчезнуть.

Отелло в припадке ревности задушил свою возлюбленную и потом терзался совестью, как всякий нормальный человек. Подполковник же, как тысячи фашистских преступников, сам мог убить немецкую девушку не поморщившись. Порядочный офицер, неважно, – русский или немецкий, после рюмки, другой коньяка застрелился бы. Но где у таких

как подполковник совесть? Как ни странно, по сравнению с ним, я себя почувствовал «благородным абверовцем».

Думаю, что мои офицеры, как и я, видевшие сцену прощания «Отелло» и «Дездемоны» были безумно рады, что натянули нос самому начальнику Ковельского СД. Подполковник прекрасно понимал, что все они знают, что его карьера находится на грани краха: вместо наград и повышения в звании, из Берлина может прийти срочное предписание о его аресте. Его взгляд еще недавно свирепый и надменный стал потухшим и заискивающим. Он с мольбой смотрел на меня и моих офицеров.

Я же думал совсем не о карьере подполковника. У него в руках находилась информационная мина замедленного действия, подложенная под всю команду. Если приедет комиссия из Берлина, пусть даже для ареста подполковника, – все равно проверок нам не миновать. Не исключена вероятность, что кто-то из этой комиссии мог знать лично кого-то из команды (один раз нам повезло при проверке полковника Рокито), но везение постоянным не бывает. Команде придется уходить к партизанам. Но какой ценой? Какие будут потери? Поможет ли на этот раз протекция Рокито?

Я терзался мыслью – как завладеть папкой подполковника с доносом на нашего лейтенанта, не обращаясь к нему, чтобы не вызвать излишних подозрений. Мое беспокойство прервалось ворвавшимся в кабинет капитаном. Он тяжело дышал и на мгновение смутился, увидев большое скопление

офицеров и гражданских. Капитан подскочил к подполковнику и что-то прошептал ему на ухо. Брови подполковника поползли вверх, глаза еще больше выкатились. Они подошли к топографической карте и с полминуты, о чем-то тихо разговаривали, вода по ней пальцами.

Потом подполковник подошел к столу и нажал невидимую кнопку. В дверях появился дежурный. Подполковник, с гримасой отвращения, указывая пальцем на Мику, прорычал дежурному:

– Арестуйте и спрячьте эту гадость от меня подальше! – он все еще держал в руке донос на лейтенанта Штрейхера.

– Вон отсюда, дурачье! – заорал он других задержанных.

В кабинет вошел майор СД. Когда закрылась дверь, подполковник подошел к столу и попытался открыть какой-то ящик одной рукой. Ему это не удалось, – ведь в другой руке он все еще судорожно сжимал компромат. Изобразив безразличную мину, и не глядя на меня он, протянул мне исписанные листки.

– Заберите это и уничтожьте, – примирительно предложил подполковник.

Я бегло, с пренебрежительной миной, просмотрел листки доноса и передал их Тиссену. Он, пожав плечами, спрятал их в карман кителя. Подполковник достал из ящика топографическую карту, разложил ее на своем огромном столе, и уже уверенным, начальственным тоном сказал :

– Я вас, господин капитан, понял, – все будет исполнено,

но сейчас нет свободной минуты! Мы получили тревожные данные от своего агента. Он сообщил приблизительное место, где планируется высадка русского десанта. Сейчас это для нас первоочередная задача.

Подполковник, вместе с капитаном и подошедшим майором изучали карту. Он поднял голову и жестом подозвал меня и Тиссена к столу.

– Вы только посмотрите, господа, какую они выбрали местность! -

подполковник указал на карту, и мы увидели, что острие карандаша упирается в села Заречье и Стобиховка в районе озера Сомин (мы там начинали запускать нашу дезу). Капитан СД пояснил :

– Место выбрано идеально – труднодоступное для поиска диверсантов. Кругом леса и болота.

Я поддержал его.

– Какие у вас, майор, будут соображения по захвату этого десанта?

– Я, – сказал майор, – в 3 часа ночи получил от «Зеленого» информацию. Его приятель из села Доротища по секрету ему сообщил, что на днях в их районе будут сброшены русские парашютисты. Я тут кое-что набросал.

– Вижу, майор, вы времени зря не теряли. Излагайте свои соображения!

– Территория предполагаемой высадки десанта по периметру занимает не менее 80-90км. Это лесная местность,

окруженная болотами. Проселочные дороги малопригодны для прохода наших грузовых машин, так утверждает «Зеленый». Проехать можно только в двух местах – здесь и здесь, – майор показал на карте. Я пришел к выводу, что переброску войск на машинах можно сконцентрировать максимум в трех пунктах – это села: Доротище, Скулин и Тойкуш. А из этих сел только пешим порядком по тропкам можно скрытно окружить предполагаемый район высадки десанта. В зависимости от обстановки мы можем продержаться этот район под наблюдением 3-5 дней. Можно и больше.

– Сколько, господин майор, по вашим расчетам, потребуется живой силы и техники, чтобы уничтожить десант? – спросил заносчиво капитан СД.

Майор не обратил внимания на иронию, прозвучавшую в голосе младшего по чину и спокойно ответил :

– Все, конечно, предвидеть невозможно. Я успел примерно подсчитать количество солдат, которое могут выделить части нашего гарнизона. Итак, из наших 20-25 человек, жандармерия – 15-20, полицейских, включая районных, 35-40, городская комендатура 15-20, войска СС 25-30. Таким образом, уже сейчас мы могли бы направить туда 100-125 солдат.

Подполковник постепенно приходил в себя. Он уставился на меня своим стеклянным взглядом, как бы призывая дать оценку расторопности и стратегическому мышлению своих подчиненных. Мне нужно было что-то сказать.

– Разрешите, господин подполковник! Я из своей коман-

ды мог бы выделить несколько десятков солдат, но у меня предписание моего начальства, – с сожалением сказал я, – мы должны были еще вчера вечером выехать в Лемберг, а этот непредвиденный случай вынудил нас задержаться на целые сутки. Очень жаль, господин подполковник, мои ребята с удовольствием постреляли бы этих красных птенчиков.

Я внутренне улыбался – как это мы будем ловить нашу выдумку.

– Я хорошо понимаю вас, капитан! – ответил подполковник с «дружеской» улыбкой, – заверяю вас, что с провокациями и провокаторами покончено раз и навсегда. Думаю, мы обойдемся без вас. Я потребую у коменданта станции выделить нам на 5-6 суток еще 100-150 солдат. Он недавно получил пополнение для усиления борьбы с партизанами. В конце концов это тоже его территория.

Подполковник тут же поднял телефонную трубку и уже спокойным, повелительным тоном, потребовал соединить его с комендантом станции. Пока телефонистка соединяла, он спросил майора :

– Вы эти свои списки уже согласовали с командирами подразделений?

– Это только предварительные наброски, господин подполковник, – смущенно ответил майор.

Подполковник был в своей стихии. Он успевал говорить сразу с несколькими людьми.

– Говорит начальник Ковельского СД подполковник

Штиглиц. Прошу срочно явиться ко мне, – приказал он коменданту.

Уловив паузу и, делая вид, что начавшиеся разборки по поводу поимки «красного десанта» меня мало интересуют, я снова обратился к подполковнику.

– Господин подполковник! Разрешите нам быть свободными! Еще раз сожалею, что не смогу принять участия в охоте на красных. Желаю вам успеха в этой операции.

– Не стоит беспокоиться, господин капитан! Будьте осторожны, вам предстоит дальний путь! Сказал подполковник и протянул руку на прощанье.

Я еле сдерживал свои эмоции, хотя хорошо понимал, что приходится пожимать руку врага (к этому я уже привык), но и мерзавца и подлеца, – к какой бы армии он не относился.

Мы с Тиссенем вышли в приемную к своим офицерам. По дороге к своим машинам заместитель заметил :

– Слава Богу, что не оставили своих следов в СД. Да и узнали много важного!

– Этот Штиглиц – карьерист похлеще фон Альбрехта! Все они страшно боятся берлинского начальства. Неудачи на фронте заставляют их делать ошибки и в тылу. Головы летят без разбору. Ну так им сволочам и надо! – отвечая Тиссену, я обернулся и увидел хмурое лицо Штрейхера.

–Лейтенант, что приуныли?! Все уже позади!

– Господин капитан! Я понимаю рисковать надо обдуманно, но мне не дает покоя мысль, что где-то я допустил грубую

ошибку! – виновато заключил Штрейхер.

– Успокойтесь, Карл, все обошлось как нельзя лучше, а впереди у нас дело еще более рискованное.

– Я переживал, конечно, за себя, господин капитан, когда подумал, что могло произойти, если бы я попал в СД! Но еще ужаснее – провал всей команды, даже если бы я выдержал пытки!

– Война есть война, а наша работа – это ежедневный, ежеминутный риск. Выдержка и еще раз выдержка! Вы поняли, лейтенант?!

– Понял, товарищ капитан!

– Какой, к черту, «товарищ»?! Все! Закончили и забыли об этом!

ОПЕРАЦИЯ КОВЕЛЬСКИЙ ВОКЗАЛ

В расположении команды я собрал весь офицерский состав. Мы с Тиссенем заслушали результаты наблюдений за подходами к главным стрелкам ж/д станции Ковель. Были определены объекты и группы, которые будут минировать эти объекты.

Ответственный за материальную часть автоколонны сержант Гинзбург все еще возился с четырьмя машинами, поставленными на колодки. Мы начали погрузку имущества, когда в Турийск явился водитель, задержанной нами, легкой машины, принадлежащей СД. Дело шло к вечеру, и в неспешной беседе с Гинзбургом он проболтался, что практически все машины СД, груженные солдатами, и пятнадцать

машин из железнодорожной охраны куда-то выехали из Ковеля, а его шеф, – подполковник Штиглиц, должен будет выехать на следующий день рано утром.

В 18-30 мы получили данные нашей разведки, что в районе станции снято двадцать постов, а на пятнадцати главных стрелках оставлены малочисленные группы из одного солдата, одного полицая и одного стрелочника. В 21-00 старшие подрывных групп получили последние наставления. По радиации согласовали время подрыва стрелок со временем подлета наших бомбардировщиков. Намечены маршруты распределения подрывников после завершения операции. Часть автомашин направилась на Лукив и Любомль, а другая группа на Голобы, Рожище, Торчин. К концу вторых суток все должны были собраться во Владимире – Волынском.

В 21-20 основная колонна наших автомашин выехала из Турийска в направлении на Владимир – Волынский. В 22-55 мы остановились возле здания комендатуры. Я с Тиссенем зарегистрировали свое прибытие и спросили, где нам разместиться. Дежурный майор сказал, что в городе разместить такую большую команду нет возможности и предложил за рекой в селе Заречье занять здание школы. Я поинтересовался у майора, имеются ли во Владимир – Волынском лагерь военнопленных. Майор сказал, что возле моста, через реку, есть монастырь, где содержится около тысячи человек, но все вопросы с руководством лагеря можно будет решать только завтра утром.

Мы поблагодарили дежурного и направились в Заречье. Пока колонна переправлялась на левый берег, мы с Тиссенном заехали в лагерь военнопленных и поинтересовались об утреннем прибытии начальника лагеря. Мы сознательно оставляли везде, где только возможно свои «следы».

Было уже около трех часов ночи. Никто не спал. Все волновались за исход операции. Наконец, со стороны Ковеля слышались глухие взрывы и, появилось далекое зарево – это сработали наши минеры. Спустя несколько минут мы услышали разрывы авиабомб, и все небо озарилось красно-коричневым пламенем, – это взорвались цистерны с бензином.

– Теперь главное, чтобы ребята не попали под свои бомбы, – заметил Тиссен.

– Как-будто мы все рассчитали, Йоган. Все должно закончиться хорошо. Нам тоже не мешает поспать.

На следующий день мы посетили лагерь военнопленных. Чтобы потянуть время в мучительном ожидании своих подрывников, мы с Тиссенном провели ряд бесед с узниками и даже пытались их вербовать.

Наступило расчетное время возвращения наших диверсионных групп, и я послал своих офицеров дежурить возле комендатуры, чтобы возвращающиеся уже не заходили туда. Нужно было исключить лишние вопросы и подозрения.

Первая группа, возглавляемая лейтенантом Розенбергом, прибыла в назначенное время. Группа лейтенанта Гумера заставила поволноваться – они появились почти ночью, уже

после 23-х часов. Потерь и раненных к счастью не было. Все возвратились усталые, но довольные своими успехами.

Мы заслушали отчеты старших групп. Розенбергу ставилась задача: подрыв путей и стрелок с западной стороны станции. Оттуда прибывали эшелоны с живой силой и техникой.

Все шло по намеченному плану. Группа осмотрелась и подготовилась к минированию. Были выставлены охранные заслоны, чтобы ничто не помешало диверсии. Для временного укрытия непосредственных исполнителей был выбран канализационный колодец. Четыре входных стрелки охраняли всего трое: молодой, лет 18-19-ти немецкий солдат, полицейский и стрелочник – мужчины в возрасте до 35-ти. Они только заступили на пост в час ночи. Стрелочник и полицейский осмотрели стрелки, освещая их тусклым керосиновым фонарем, и возвратились в сторожевую будку, где сидел солдат и что-то наигрывал на губной гармошке. Войдя в будку, они скрутили «козьи ножки» с махоркой и прикурили от пламени фонаря. Солдат закашлялся от едкого дыма и вышел наружу. Он уселся на скамейку и продолжал пикировать на своей гармошке. Звуки мелодий покрывали легкие, но неизбежные шорохи подрывников.

В 2-25 ночи с запада прибыл воинский эшелон. Розенберг насчитал 24-е платформы с танками и самоходками, 10 цистерн с горючим, 7 платформ с орудиями крупного калибра и 12 вагонов с солдатами и офицерами, включая 4 вагона с

боеприпасами. Когда эшелон остановился, охранники проверили и заперли стрелки, после чего вернулись в свою будку.

Полицай вынул из вещмешка кусок сала и хлеб. Порезав все, он роздал бутерброды своим напарникам. Немец восторженно воскликнул «О, сало!» с удовольствием съел свою порцию, и пока полицай со стрелочником медленно доедали свои порции, он вытер рот рукавом и снова стал пиликать на гармошке.

Времени, пока охранники перекусывали, вполне хватило для установления нашими подрывниками восьми мин – по две на каждую стрелку. Взрыватель одной мины срабатывал от внешнего давления, а другая мина взрывалась через бикфордов шнур. В 02-52 подрывники подожгли шнуры из расчета три минуты для того, чтобы успеть подальше отбежать.

В это время раздался сигнал воздушной тревоги. Только, что въехавший эшелон начал выезжать со станции. Охранники выскочил из будки и быстро побежали к стрелкам. Тут сработали мины. Одновременно со взрывами появились бомбардировщики. Послышались взрывы зенитных снарядов.

Были взорваны все выходные стрелки. У пытавшихся выехать со станции эшелонов начали переворачиваться вагоны с солдатами и цистерны с бензином. Горючее загорелось, и пламя перекинулось на платформы с техникой и на вагоны с людьми. Пламя пожара служило хорошим ориентиром

для наших бомбардировщиков. Выскакивающие в панике из горящих вагонов немцы попадали под осколки наших авиабомб. Наши подрывники отсиживались в укрытиях и ожидали конца организованного ими ада.

Руководитель «восточной» группы, лейтенант Гумер, рассказывал что «их» немец был не такой беспечный, как сопляк на западных стрелках. Это был бывалый солдат, имевший нашивки за ранения. В то время, когда полицай со стрелочником дулись в карты, немец через каждые 4-5 минут выходил, и сделав по 10-15 шагов в обе стороны, возвращался назад. В 2-55 подрывники рассчитали очередной выход солдата, и тихо сняли его. Они быстро заложили мины, на главных стрелках и укрылись в бетонном тоннеле. После окончания бомбежки, дождавшись, когда утихнут взрывы подорванных боеприпасов, подрывники выбрались из своих убежищ и пошли на станционные пути как бы разыскивая своих. На самом деле они решили определить хотя бы приблизительно результаты своей работы.

Еще час спустя после бомбежки повсюду все горело. Кругом валялись трупы и раненные. На наших специально вымаранных и изодранных минеров никто внимания не обращал. Некоторые подрывники сходили к зданию вокзала. Оно было частично разрушено, и кое-где горела крыша. Горели складские помещения и депо. Примыкавшие к зданию вокзала городские дома также горели.

Одновременно с работой подрывников происходили не

менее важные и интересные события на месте высадки «десанта». По плану, согласованному с Центром, несколько наших самолетов должны были отвлечь внимание войск Ковельского гарнизона. Засада, организованная подполковником Штиглицом, наблюдала группу советских самолетов в районе Заречья и Озера Сомин. Прожектор высветил, как из люков самолетов посыпался «десант». Немецкие зенитки начали расстреливать, сбрасываемые чучела «парашютистов». По плану же наши ударные бомбардировщики и штурмовики зашли с противоположной стороны от района лжедесанта .

Утром наш капитан Эбергард с «плавающей точки» передал в Центр краткое сообщение: « Полностью уничтожено: 8 паровозов, 40 цистерн с горючим, 60 платформ с военной техникой, 150 крытых вагонов с людьми и боеприпасами. Убито и ранено около 700 военнослужащих, повреждено: 4 паровоза, 16 платформ, 90 вагонов. Разрушено: станционное здание, складские помещения, водокачка, депо, пристанционные складские здания и строения. В Ковеле множество пожаров».

Центр поздравил нас с успешной операцией и пожелал успехов во Львове.

В ту далекую августовскую ночь 1943-го после выполнения операции и счастливого возвращения наших групп подрывников мы с Тиссенем, лежа в просторном классе сельской школы на походных матрасах, уложенных прямо на по-

лу, долго не могли уснуть. Усталость и переживания давили не только сердце, но и мозг. Мысли переключались с одних событий на другие. Я попытался сделать несколько глубоких вдохов – не помогло. Сон не шел. Тиссену тоже не спалось – он просматривал при свете карманного фонарика газету «Львовские вести» полуторагодовой давности, случайно сохранившуюся в нашем помещении. Мне захотелось разделить с ним радость завершения, успешно проведенной операции.

– Ты тоже не можешь заснуть, Йоган? Слишком много рискованных событий произошло в последнее время. У Гитлера каждый танк, каждый солдат на счету. Мы в Ковеле этот счет укоротили. Хорошо поработали ребята. Движение эшелонов прервано минимум на 10 дней. Нам есть чем гордиться.

– Вилли, у меня тоже радостное удовлетворение от нашей работы. Но вот, не выходит из головы одна жуткая мысль: что могло бы случиться с командой, если бы немцы захватили Штрейхера?! Ведь счет шел на секунды, когда агенты СД могли опередить наших. Карл подвергся бы пыткам.

– Мне тоже не дают покоя эти мысли, но я их все время гнал, пока разворачивалась операция. Ты, конечно, прав – нам дорого обошелся бы Ковель, не подоспей вовремя наши ребята. Если бы его захватило СД, я думаю, я уверен, – он бы ничего им не выдал. И операция развивалась бы по намеченному плану, пока Штрейхер сидел в тюрьме СД. Их зда-

ние разбомбили наши, но уцелел бы Карл при таких разрушениях, вот вопрос? Но более важный вопрос, Йоган, который мне не дает покоя, – мне кажется, в своей работе мы что-то недоучли.

– Женский фактор. Такая, как Мика, могла очаровать не только «железного» Карла, но и тебя, и меня, и любого из нас. Ты только посмотри, как эта сучка, окрутила Штиглица! Начальник СД пишет сам себе доносы, арестовывает по ним немецких офицеров, выносит им смертные приговоры, ставит себе «зачетные» галочки, получает повышение, а ей платит за любовь деньгами, конфискованными у этих же офицеров.

– Они оба друг друга стоят. Ведь ты понял, что Штиглиц не возражал, когда его называли полковником? Когда в детстве я общался с немцами у нас в Кичкасе, я слышал о какой-то их национальной психической болячке, но видеть среди своих знакомых психов мне не доводилось.

– Эта болезнь называется шизофрения. Это, когда человек воображает из себя невесть что. Он может вообразить себя Наполеоном, Цезарем или папой римским. У шизиков явно просматривается мания величия, хотя они могут быть талантливыми математиками, изобретателями или учеными. Вилли, а как ты думаешь, Штиглиц расстреляет Мику?

– Думаю, что да. Зачем ему свидетели его темных делишек? Но меня другое интересует, – Гитлер шизофреник или маньяк? Он же вообразил, что может завоевать весь мир и

всюду насадить свой «новый немецкий порядок».

– Наверное, он скорее, маньяк. А может то и другое. Но в первую очередь он фашист. Для него уничтожить несколько миллионов людей – раз плюнуть.

– А ты вспомни, Йоган, как тебя чуть не арестовал фон Альбрехт. У него ведь тоже была мания величия, он хотел подчинить себе все абвер группы юга Украины. Альбрехт шизик или маньяк ? Как ты считаешь ?

– Хрен его знает. Этот псих, попортил нам тогда крови и тебе и мне. Тоже ведь могла повернуться судьба команды не тем боком, не поспей ты вовремя в Мелитополь. Вилли, мы так с тобой за разговорами и не уснем.

– Хорошо, помолчим и попытаемся уснуть. Завтра, как всегда, тревожный день.

Заканчивалась последняя декада августа. Мы продолжали, готовить агентов из местного концлагеря. Тиссен высказал опасение, что начальника Ковельского СД, – подполковника Штиглица, вдруг осенит проницательность, и он направит за нами погоню, осознав, кто ему подsunул ложный десант и взорвал станцию. Эту мысль Йоган высказал, когда мы делали утреннюю гимнастику.

– Йоганн ! Связываться с нами он не захочет. Даже, если будет установлено, что вся команда – это советские разведчики. Его же немедленно расстреляют, как идиота и непрофессионала. Ведь Штиглиц проворонил крупную диверсию врага. Это тебе не шуточки, – сорвать снабжение фронта

ресурсами больше, чем на неделю. Это, фактически, срыв контрнаступления вермахта!

– Я как-то, Вилли, не подумал об этих тонкостях. Порой, с твоим беспощадным анализом, Вилли, ты мне кажешься таким циничным, особенно учитывая, какую форму мы носим!

– Но нам и дальше должно помогать праведное чувство мести фашистам. Ведь, какие бы мы не были «дикие безбожники» в их глазах, – это они, тевтоны, пришли с войной на нашу землю, а не мы к ним! Никакой пощады! Мстить до полного уничтожения!

– Да кто же против! Если посмотреть, что они сделали с нашим народом, так мне кажется, понятие фашизм надо судить и уничтожить на корню, чтобы у других Гитлеров и Муссолини не было даже мысли начинать войну!

– Во – во, и я о том же! Обязательно должен быть суд! А пока подскажи мне, когда мы должны встретиться в Жовкве с группой, которая поехала на разведку во Львов?

– Нам надо до 12-00 выехать, чтобы к 15-00 быть в Жовкве.

– Тогда, получается, у команды есть утром полтора – два часа свободного времени.

– Ну, да. А к чему это ты клонишь, Вилли?

– Йоган, ты хороший историк, и ты должен будешь просветить нам всем историческое лицо Львова. Я вот получил образование на Украине, но не могу понять, – чей же

это город, – украинский, польский или австрийский. Я хотел бы уяснить, как нашим солдатам и офицерам, как себя вести с местным населением? На каком основном языке разговаривают гражданские, какие коренные национальности? Как они относятся к немцам? Какого мнения о советской власти, – ведь с сентября 1939-го Галиция входила в состав СССР.

– Вилли, ты сразу поставил столько вопросов! Я так сразу не готов на них осветить. Давайждемся наших из Львова, – я что-то расскажу, – они добавят, – и тогда картина будет более полной.

– Все, конечно, мы не узнаем, но предложение твое правильное. Тогда лекция переносится в Жовкву, и у нас будет больше времени на сборы.

ИСТОРИЯ УНИАТСКОГО ЛЬВОВА

Команда прибыла в Жовкву. В ожидании группы лейтенанта Паульса из Львова, офицеры команды посетили городской католический собор, строительство которого началось в 17-ом веке еще при гетмане Жовкевском. Собор был величественным и его громада, возносившаяся ввысь над старинными крепостными стенами, как бы увековечивала власть папы римского на западных украинских землях. На богослужении присутствовало человек пятьдесят местных жителей. Тиссен слабо понимал западный украинский диалект и все переспрашивал меня, о чем говорит священник.

– Кто такие «москали», Вилли?

– Йоган, ты же историк! Это трансформированное название жителей Московского княжества. Раньше, при крепостной России, когда служба в царской армии была 25 лет, забрать в «москаля», означало пребывание в солдатах полжизни. А теперь все русские стали для них «москалями».

– Без поллитры хрен поймешь. И это наши братья, славяне?

В принципе, братья. Они же в 1939 – ом проголосовали за присоединение Галиции к Советской Украине.

– А, что такое «совьиты»?

– Это священник так называет наших представителей власти. Вместо «советы», – он говорит «совьиты»

– А какой смысл его проповеди?

– Да нет в ней никакого смысла. Этот служитель культа призывает свою паству сплотиться и помочь немцам остановить наступление Красной Армии.

– Вот тебе и братья!

– А как ты думал?! Их греко- католическая церковь управляется Папой Римским и подчиняется Ватикану. Она настраивает местный украинский народ против «москалей» – русских. Ватикану никогда не нравилось православие. Это еще нам – детям, в Кичкасе, рассказывал отец Антоний. И, вообще, они коммунистов, а заодно всех русских считают безбожниками, то есть людьми примитивными и жестокими, которых надо уничтожить.

– А как же любовь к ближнему?

– Это только на бумаге. Я помню, что вытворяли католические священники в Испании, в 1938 году. Они не только настраивали простых испанцев против воинов – интернационалистов из разных стран, но и с оружием в руках сражались в армии Франко. Священники во всех странах должны славословить светскую власть, иначе эта власть не даст им получать доходы от верующих.

– Да нет, Вилли, ты загнул. У нас в Саратове я знал священников, которые выступали против Советской власти. Они делали это не явно, а косвенными намеками, как бы порицая государственный атеизм. После того, как в России начали разрушать церкви, некоторые, глубоко верующие люди, считали, что от коммунистической власти исходит основное зло в мире.

– Йоган, а ты атеист или веруешь?

– Да как тебе сказать... Конечно, я как всякий человек в момент опасности призываю на помощь Бога, как это было в Мелитополе. Ты знаешь, и Бог мне тогда помог!

– Помог тебе не Бог, а я! Хотя я тоже призывал отца Антония и патера Густава обратиться к Богу и спасти тебя от фон Альбрехта! Священники считаются посредниками между землей и небом. Но не всем посредникам можно верить. Я с детства привык доверять только украинцу Антонию и немцу Густаву и менять их не собираюсь!

Эту дискуссию о роли религии и священников в жизни человека, мы, советские разведчики, вели уже выйдя из церк-

ви на немецком языке. Наша горячая дискуссия обращала на себя внимание прихожан, расходящихся после проповеди. Мы не могли знать, кто был из них за немцев, а кто против.

Группа лейтенанта Паульса вернулась только к вечеру. Команду мы разместили (на школы нам везло) в местной школе. С интересом все слушали рассказ директора этой школы о том, что в 1914 – ом, в Первую Мировую войну, под Жовквой, наш русский летчик, киевлянин Нестеров протаранил австрийский самолет. Директор школы, худой мужчина с умными, карими глазами, говорил довольно сносно на немецком. Мне показалось, что рассказывал он как-то бесстрастно, точнее осторожно, не отдавая предпочтения ни русскому ни австрийскому авиаторам. Он показал нам место, где на окраине города, после столкновения в небе, самолеты упали на грешную землю. Подвиг русского летчика приободрил нас.

Как только прибывшие «львовяне» отдохнули, я собрал команду на небольшом школьном подворье. Первым я предоставил слово Паульсу, посчитав, что информация о нынешней ситуации во Львове будет намного важнее, чем история города, которую собирался рассказать Тиссен. Он хорошо подготовился и немного обиделся, что не ему первому я дал слово. Я привел Тиссену сильный довод :

– Йоган! Нас на курсах в Москве психологи учили, что недавно полученная путем наблюдений информация, ценная

в своих деталях, держится в мозгу у человека 5-6 часов. Потом многие мелочи (которые могут оказаться совсем не «мелочами») забываются, когда человек уже расслабился. Доклад Пуальса я не ограничивал во времени.

Паульс начал с личных впечатлений, и это было ценно. И ему, и разведчикам его группы, Львов показался сначала хмурым, враждебным и совершенно не похожим на наши города. От военного коменданта города, к которому Паульс обратился, предъявив свое командировочное удостоверение, мой лейтенант узнал прежде всего расположение концентрационных лагерей, где наша команда могла продолжить работу по вербовке агентов.

Я дал Паульсу, на всякий случай, телефон и данные о подполковнике Бизанце, друге полковника Рокито по абверу. К счастью, ему не пришлось пользоваться этим телефоном.

Паульсу, кроме коменданта города, удалось пообщаться и с другими представителями оккупационных властей Лемберга. Это название немцы дали Львову в начале 1942 года, что в переводе с немецкого означало «Глиногорск». В окрестностях города было открыто множество карьеров прекрасного глинозема, из которого производились прочные кирпичи. Незадолго до Первой Мировой войны власти Австро – Венгерской империи выстроили из этого кирпича огромный фортификационный комплекс «Цитадель». Этот комплекс, находившийся в центральной части города на высоком холме, своими основными сооружениями был развер-

нут на северо-запад, в сторону Российской империи. Но ни в первую, ни во вторую мировые войны Цитадель не использовалась как оборонительное сооружение. Фашисты нашли ему другое применение: в казематах крепости они расположили концлагерь для военнопленных со всей Европы. Паульса туда не пустили. Да и не мог нашу команду заинтересовать этот лагерь. Нам нужны были лагеря с русскоязычными узниками. Паульс разузнал, что самым большим лагерем, откуда мы могли брать «полуфабрикат» (прошу извинения у людей, прошедших ад фашистских концлагерей) для переработки его в диверсантов был Яновский трудовой лагерь. В этом лагере содержалось около 15 тысяч заключенных: украинцев, поляков, русских. Расположенный на западной окраине города, лагерь тщательно охранялся эсэсовцами, так как в нем производилась военная продукция.

Ближе к городу, между промышленным предместьем и железнодорожной веткой, по которой поезда двигались на восток, располагалось еврейское гетто, в котором содержалось до 30 тысяч заключенных. Во Львове, до сентября 1939-го, накануне войны проживало около 130 тысяч поляков, 110 тысяч евреев, и только 50 тысяч украинцев. После нападения Гитлера на Польшу и раздела ее между Германией и СССР из зоны германской оккупации в советский Львов бежало 25 тысяч поляков и 50 тысяч евреев. Сразу после оккупации города был прислан особый отряд эсэсовцев для «очистки» населения от особо опасных элементов: коммунистов, совет-

ских работников, евреев, а также польской и украинской интеллигенции. К нашему прибытию в самом Львове и области было арестовано и уничтожено порядка 100 тысяч мирного населения.

Я посмотрел на Тиссена. Лицо его мне показалось приунывшим, да и лица других офицеров слегка сникли. Мне нужно было как-то развеять их мрачные мысли, и я остановил докладчика нейтральным вопросом.

– Господин, лейтенант! Вы хорошо поработали, но я хотел бы вас спросить, – сам город, что он собой представляет? Есть ли в нем река, парки, места отдыха?

– Реки нет, но парков много. Из разговоров с офицерами львовского гарнизона я услышал кое-что интересное. Например, девиз Лемберга в сознании немцев: «Всегда верный». Архитектура города, – это монументальные здания, и некоторые говорили, что Львов похож на Вену. Особую гордость у немцев вызывает здание оперного театра, которое сравнивают с венской оперой. Воинственный тевтонский дух чувствуется у многих офицеров. Лемберг они считают крайним восточным форпостом Великой Германии в вековой борьбе со славянами. В городе великое множество частных кофеен и пивнушек. Немцы – большие любители пива, и пьют его из больших граненых кружек или из высоких тонкостенных бокалов.

– А вы пробовали их пиво? – полюбопытствовал наш врач, чем вызвал оживленный смех.

– Ну, да пробовали. Пиво вкусное!

– Ну вот, господа! Есть к чему стремиться во Львов! – заметил капитан Эбергард.

– Все попробуют пиво! Но, как командир и, как спортсмен, я вам должен заявить, что пиво расслабляет не только мышцы, но и ум! Вспомните подполковника Штиглица! Вот вам яркий представитель немецких любителей пива! Заплывший подбородок, огромный живот и красная рожа гипертоника. Как командир, я запрещаю пить пиво всем, кто по заданию будет находиться в городе. Мы закупим пару бочонков этого напитка, так и быть, но пить его будет разрешено только в расположении команды. Прошу вас не теряйте бдительности! Ироническим покашливанием ответила аудитория на мои назидания.

Паульс продолжал:

– В пивнушках мы видели штатских немцев. Не знаю по каким делам они очутились во Львове, но эти господа – любители пива, были не худыми. Кстати, в пивнушках я бы предложил располагать наших агентов, переодетых в цивильное, – пиво делает людей болтливыми. Много интересного можно услышать. Например, один немецкий полицейский жаловался гражданскому немцу, что им часто приходится умирять драки между украинцами и поляками. Поляки люто ненавидят украинских националистов, а те платят им тем же. Немцы больше ценят украинцев, с помощью которых хотят полностью ликвидировать польское подпо-

лье. Украинских полицейских они вырядили в темно – синие мундиры с широкой сине – желтой повязкой на левом рукаве. На головных уборах у них трезубец. Полякам разрешена своя символика – четырехугольный головной убор с белым орлом. В городе имеется один центральный железнодорожный вокзал и три пригородных. Центральный за сутки может пропустить на восток с полсотни эшелонов. Мы насчитали много пунктов для переформирования воинских частей. Практически, все общественные здания, – институты, школы, поликлиники оборудованы под военные госпитали. Город насыщен войсками разного назначения. Имеются штабы воздушных армий. Вроде, я сказал все, – закончил свою речь Паульс.

Настала очередь Тиссена.

– Мой доклад будет в основном о политической истории Львова, – начал Тиссен, – после раздела Польши в конце 18-го века между тремя империями – Австро – Венгрией, Германией и Россией, Львов вошел в состав Австро – Венгрии и находился в ней до 1918 – го, то есть, до конца первой мировой войны. Западноукраинские политики обращались к мировым державам – Англии, Франции, США и Японии, входившим в комиссию по послевоенному переустройству Европы, – с тем чтобы Галицию и Львов передать Украине. Однако, было слишком много политических причин, чтобы Львов отдать вновь возрожденной Польше.

Возникновению Львова, как и многих европейских горо-

дов, способствовала география. Городская территория начиналась с центра пересечения древних торговых путей с севера на юг и с запада на восток. В X – XII столетиях эти земли входили в Киевское княжество, потом они принадлежали Звенигородскому княжеству, а позже – Галицкому. Я не буду рассказывать о распрях славянских князей, скажу только, что по преданию Галицкий князь Данила назвал город именем своего сына Льва. Чтобы противостоять набегам соседей: поляков, венгров а также крымских татар, Галицкое княжество объединилось с Волынским. К 1340 году галицкий князь Болеслав Мазур был отравлен в жестокой борьбе за власть. Воспользовавшись безвластием и распрями, польский король Казимир Великий в апреле, в пасхальную неделю вышел со своей конницей из Кракова и напал на русские земли. Он захватил оборонительные сооружения Львова, спалил знаменитый православный монастырь святого Георгия (Юрия) и сжег все замки в окрестностях города. Захватив все драгоценности, принадлежавшие русской короне, он с добычей вернулся в Краков. Так как со стороны галичан никакого сопротивления оказано не было, в конце июня 1340 года Казимир снова вернулся на русские земли с целью их присоединения к Польше. Ему быстро удалось завоевать Перемышльские земли вдоль реки Сян и овладеть большинством замков на них. Осенью того же года он занял Львов и поставил своего градоначальника в нем, а сам вернулся в Краков. И только через пять лет русские князья Дашко из

Перемышля и Данило из Острога сделали попытку освободиться от поляков с помощью крымских татар. Они не только освободили свои земли, но и захватили часть польских земель, в том числе часть Краковского воеводства на правом берегу Вислы. Однако, поляки в 1349 году снова вернули себе Львов, и галичане вынуждены были покориться Казимиру. Они присягнули ему и стали его подданными.

Уже с 1356 года Львовом управлял магистрат, состоящий из консулов. Управление осуществлялось на основе немецкого Магдебургского права, по которому Львов был самостоятельным городом, – государством, по типу западноевропейских городов, входивших в состав Священной Римской империи. Король Казимир расширил земли, принадлежащие Львову, выделив общественные пастбища, а жителей города освободил от власти воевод, старост и судей, – с условием регулярной выплаты львовянами налогов в королевскую казну. Потом польский король обратился к папе римскому Урбану за разрешением основать Львовское архиепископство. С этого времени львовские православные церкви начали обращаться в католические костелы, в которых служба велась на латыни. Во Львове уже к этому времени было много армян и евреев, бежавших от турецких завоевателей. Армяне построили во Львове свой собор, а евреи синагогу. Если немцы их не разрушили, мы сможем увидеть творения восточной архитектуры.

После смерти польского короля Казимира все последую-

щие польские короли продолжали насаждать в Галиции католицизм. Во Львове обосновались многие католические ордена: иезуитов, доминиканцев, кармелитов, бернардинцев и других. Русским во Львове приходилось туго не только из-за притеснений православной веры. Родной язык вытеснялся чужими языками – польским, немецким, латинским. В магистратуре Львова было много богатых немецких торговцев, основавших во Львове свои фактории – магазины, склады, миссии и ремесленные цеха. Русский первопечатник Иван Федоров свою просветительскую деятельность начинал во Львове, где он напечатал свою книгу «Апостол» на русском языке.

В 1572 году произошло объединение Польского королевства с Великим княжеством Литовским. Такие исконно русские земли как Волынь, Подолье, Киевское и Черниговские княжества вошли в состав Польши. И хотя, русский и украинские языки на этих землях сохранились, польские короли принуждали народ принять католичество. Особенно давление усилилось при короле Сигизмунде III, воспитаннике иезуитов и бывшим почетным членом их ордена. В 1590 году четыре православных епископа – Луцкий, Львовский, Пинский и Холмский подписали грамоту о согласии принять унию, то есть – объединение православия и католичества. Суть грамоты состояла в том, что эти епископы согласны были признать власть Папы Римского, при условии, что тот навеки сохранит незыблыми церемонии и священнодей-

ствия православной Церкви по греческому обряду. Епископы так же потребовали от польского короля для себя определенных прав. Все это готовилось в тайне, но в июне 1595 году тайна раскрылась. Покровитель Православия в Польше – князь Константин Острожский выведаль у Брестского епископа Ипатия Потия и митрополита Минского Михаила Рогозы о завершении подготовки акта подписания унии в Бресте. Князь обратился ко всем православным Польши с резким посланием, в котором обвинял православных епископов в отступничестве и предательстве православной Церкви Христовой. Его поддержал Львовский православный епископ Гедеон Балабан, обвинивший инициаторов унии в нарушении правил и обычаев православной веры. Они обвинялись в принятии проекта унии без согласия и разрешения всех Патриархов, в отсутствии духовного собора и одобрения всеми православными верующими. О созыве такого собора польского короля просили князь Константин Острожский и колеблющийся инициатор унии Ипатий Потий. Однако, король Сигизмунд III, опасаясь что его православные подданные не согласятся даже обсуждать унию не разрешил быть собору и объявил своим указом про объединение в Речи Посполитой всех православных с Римской Церковью. Сигизмунд был талантливым политиком и одновременно он обратился к папе римскому с тайным посланием созвать в Польше съезд «русских униатов» и православных «схизматиков» (отступников веры). Сигизмунд привел папе веские

политические доводы: первое – схизматики могут передавать туркам правительственные тайны, и второе – в случае соединения православных Польши с Римом, к Унии может присоединится Великое Княжество Московское, где миллионы христианских душ заражены «греческой схизмой».

Как историк, – продолжал свой доклад Тиссен, – хочу напомнить, что в те годы сильное турецкое войско султана Сулеймана высадилось в Европе и, захватывая христианские земли, присоединяло их к Оттоманской империи. После получения папой послания Сигизмунда, на аудиенции у Папы Климентия VIII, в присутствии католических кардиналов, епископы Брестский Ипатий Потий и Луцкий Кирилл Терлецкий подали прошение об объединении Православной Церкви с Римской. При этом они стояли на коленях и целовали папскую туфлю в знак покорности. Из-за страха перед турками папа Климентий согласился со всеми оговорками, правами и обрядами православных в составе Римской церкви. Православные священники имели право на брак, чего не позволялось католическим священникам, а митрополит Киевский имел право назначать епископов в своей области. Униатам разрешалось проводить восточные обряды, если они не противоречили учению католической веры. В честь такого важного исторического события Папа Римский отчеканил медаль, на одной стороне которой был изображен его портрет, а на другой – папа, сидящий на троне, благословлял, стоявшего на коленях униатского посла. Внизу бы-

ла выбита надпись на латыни: «Ruthenus receptis – 1596», что означало – принятие русинов.

Осенью 1596 года в Брест приехали православные и католические иерархи. По существу там состоялось два Собора: униатский и православный. Униатский возглавляли один митрополит, пять епископов и три архимандрита. Всеми ими руководили три католических епископа – папские послы и три королевских посла. Православный Собор был более представительным, – в его составе находились: протоиерей Константинопольского Патриарха, протоиерей Александрийского Патриарха, митрополит Белградский, епископ Львовский и Галицкий Гедеон Балабан, епископ Перемышльский, греческие Афонские архимандриты, десять белорусских архимандритов, полтора десятка протопопов и наместников, и пара сотен пресвиторов. Круг мирян на православном Соборе в Бресте возглавлял киевский воевода, сенатор Польши, – князь Консантин Острожский. Практически на этом Соборе был представлен весь православный европейский мир.

В изданной на латыни соборной униатской грамоте, участников православного собора – Львовского и Перемышльского епископов, а так же вместе с ними и других православных священников предали анафеме и лишили их сана. Мирянам, которые будут общаться с ними, пригрозили проклятием.

В том же месяце октябре 1596 года было провозглашено решение православного Собора, которое состояло из трех

основных требований: первое отлучить епископов – отступников от архиерейских кафедр; второе – не допустить соглашения унии с Римом без ведома Патриархов и всей Восточной Церкви; третье – придерживаться старого юлианского календаря, вместо григорианского, вводимого папой.

Постановления двух Соборов были представлены королю Сигизмунду. Польский король утвердил решение только униатского Собора. Это означало, что православные в Речи Посполитой оказались вне закона. Решение польского короля насильственно разделяло религиозную и общественно-политическую жизнь русских мирян западных от восточных. Противопоставлялись православное сознание западных украинцев и белорусов восточным славянам Московской митрополии. Раскол в религиозном сознании народа способствовал разжиганию религиозной и национальной розни, гражданским войнам, бесправию людей. Католики и униаты унижали православных. Насильственно закрывались православные храмы. Поэтому неслучайно, всего через полвека Речь Посполитая практически перестала существовать из-за гражданских войн.

Богдан Хмельницкий со своими казаками и при помощи крымских татар оторвал огромные земли Украины от Польши. А дальше была Переясловская Рада, о которой вам говорили в школе. Какая связь изложенной истории с нынешним моментом? А такая: Ватикан одобрил поход Гитлера на Восток. На пряжках поясных ремней немецких солдат, – по-

смотрите на ваших пряжках, там есть надпись: «С нами Бог», то есть поход против большевистской, атеистической России одобрен Богом! Но все вы знаете высказывание Карла Маркса: «Религия – опиум для народа». Опиум приводит к помутнению сознания человека, а в мутное сознание можно вбить любую программу, даже человеконенавистническую. Фашизм страшен не только своей антигуманизмом, но и тем, что слабые своим религиозным сознанием, фанатичные души в течение нескольких поколений натравливаются, как дикие звери на людей противостоящих фашистской идеологии. Это говорю вам я, историк изучавший не один год влияние мировых религий на национальное самосознание человека. Вывод – униаты нам не друзья. Польские католики, антифашисты, нам ближе, чем украинские униаты. На это обращал внимание и Центр. Кстати, немцы, как и англичане и многие европейцы, считаются протестантами. Они не католики. Не буду вам рассказывать о различиях в их религиозных догмах – это другая тема.

Доклад Тиссена команда выслушала с не меньшим интересом, чем отчет Паульса. Во Львов не было нужды торопиться, и я решил дополнить доклад Тиссена по религиозным вопросам, вспомнив свой испанский опыт.

– Что религия опиум, – я убедился в Испании в 1937 году. Мне было только двадцать семь, как и многим из вас. Я тогда сражался с франкистскими летчиками. Хочу вам сказать, что большинство испанских католических священни-

ков, особенно из Мадрида и Барселоны не разделяли социалистические идеи простого народа. Они люто ненавидели Долорес Ибаррури – вождя компартии Испании. Они требовали расправы над правительством Народного фронта и поддерживали крупных землевладельцев и промышленников. Все просто объясняется: священники, как идеологи правящего эксплуататорского класса были, заинтересованы в покорности своей паствы хозяевам жизни – капиталистам и помещикам. В своих проповедях они призывали народ к смирению и с помощью религиозных прописных истин эксплуатировали сознание простого народа, уводя его от жизненных реалий. «Бог милостив и справедлив», – говорили они, – Бог накажет ваших угнетателей, но не надо кровопролития! Не надо идти «брат на брата» во имя власти! Вся власть от Бога, и ей надо подчиняться!» Во время нашей революции к тому же призывали наши попы. Среди религиозных испанцев, воевавших против Франко, находились такие, которые поверив ихним попам, переходили на сторону фашистов и предавали интересы народного фронта.

Тут от слушателей последовал вопрос унтер – офицера Краузе.

– Командир! Где в Испании вы воевали, и как вы выжили?

– Наша эскадрилья располагалась на аэродроме под Барселоной, а на боевые задания мы летали на Мадрид и Малагу. Советские летчики много сбили немецких и итальянских самолетов. Сбивали и нас. Но уже тогда Гитлер ставил в при-

мер немецким ассам сталинских соколов. После победы фашиста Франко над народным фронтом, остаткам интербригад пришлось уходить через Пиренейские горы во Францию. Во французском лагере я со своими советскими военными специалистами пробыл восемь месяцев. От недоедания и болезней многие поумирали. Нам удалось переправить в советское посольство в Париже сообщение о нашем местонахождении. Через какое-то время в наш лагерь прибыла советско – французская комиссия. Так, как у интербригадцев документов не было, – всех, кто говорил на русском языке переправили в Советский Союз.

– Как удалось доставить сообщение в наше посольство?

– Об этом в другой раз. А сейчас давайте поблагодарим наших докладчиков и будем собираться в дорогу. После собрания мы решали с Тиссеном каким образом команде надо добираться до Львова. Так как Жовква находилась, практически, в часе езды от Львова, то решили, что я с Паульсом, офицером связи лейтенантом Функом и водителем выеду раньше и выясню у коменданта города, куда он определит нашу команду. Я попросил Тиссена уже во Львове просветить членов команды на счет протестантизма и лютеранства. В детстве я посещал лютеранскую церковь немцев – меннонитов, находившуюся в нашем поселке Кичкасс. Об этом я рассказывал Тиссену. Только на курсах подготовки к разведывательной работы я узнал, что немцы – меннониты – это одна из ветвей западно – европейского протестан-

тизма. Они проповедают смирение, отказ от насилия и верят во «второе пришествие» Христа. Очень много меннонитов в США и Канаде, хотя зародилась эта ветвь протестантизма в XVI в Нидерландах. Якоб Кооп, владелец александровских заводов сельхозтехники и благодетель нашей семьи, проживавшей в Кичкассе, думаю, был одним из руководителей местной общины меннонитов. В 1916г. он вместе с общиной уехал в Соединенные Штаты. Мне кажется, что Кооп, с его коммерческим талантом, был инициатором продажи многовековых дубов, произрастающих на острове Хортица, Александровскому управлению российских железных дорог. Община меннонитов получила тогда кругленькую сумму. Им немка Екатерина Вторая отдала в вечное владение уникальные земли запорожских казаков. В частных разговорах с немецкими военными я никак не мог взять в толк, почему так рьяно – от солдата до генерала, немцы считали «завоеванные» земли на Востоке своими и вождевленно стремились ими владеть после окончания «победоносной войны». Почему, черт возьми, в начале войны мы – рядовые владельцы общей «социалистической» земельной собственности так плохо защищали эту как-бы свою собственность ?! Ответ на этот жгучий вопрос я не смог получить и через полвека после войны, когда в парламентах России и Украины шла ожесточенная борьба вокруг земельного вопроса: отдавать ли землю в частные руки и кому?! Если бы в империи, созданной Петром, были здоровые зако-

ны, регулирующие продажу и наследование земли, если бы эти законы выполнялись, – никаких разрушительных революций в стране могло и не быть. Увы я, как и многие россияне, наверное, идеалист: разве наше просвещенное правящее меньшинство согласится рискнуть когда-нибудь и выделить из бескрайних российских территорий наделы по десять соток и продать их за символическую сумму своим обнищавшим гражданам? Задав себе этот вопрос, мне кажется я нашел ответ – почему хорошо вооруженная, состоявшая из профессиональных военных Белая гвардия проиграла Красной. В рядах белогвардейцев было слишком мало собственников земли – им нечего было защищать, а красные были сплошь безземельными. Революционные ленинские лозунги были, хотя и незаконными, но обладали мощной взрывной энергией: «Земля – крестьянам, фабрики – рабочим!». Людям за даром обещали дорогостоящую собственность.

Не спалось. Ход моих мыслей остановил Тиссен.

–Слушай, Вилли, а как на самом деле ты выбрался из Испании? У меня там погиб брат. «Без вести пропавший при выполнении интернационального долга». Такую справку семья получила из наркомата обороны.

–Все, кто вернулся оттуда, давали подписку о неразглашении. Крайне запутанная история. Ни ты, ни я, никто из нашей команды не может знать, что будет с нами через день. Я тебе расскажу. Но только тебе, Йоганн!

–Но ты уже на собрании нарушил запрет о неразглаше-

нии!

–Считай, что это не было нарушением государственных секретов. Ведь любая тайна когда-нибудь должна стать явью! Это дрянная история, Йоганн!

– Хочу послушать тайную историю на сон грядущий! Надеюсь, в ней не замешана женщина!

–Какие женщины, Йоганн! Я в этом французском лагере едва не сдох! Не только я, но и тысячи добровольцев со всей Европы! Ну, вот слушай. Весь фокус в том, как нам удалось известить советское посольство во Франции о том, где мы находимся. То есть рассекретить месторасположение французского концлагеря. Там нас кормили только брюквой. Вся травка была выщипана. Потом задули ветры и настали холода. Умирало все больше и больше, ведь близко под почвенным покровом располагались скальные породы. Трупы никто из охраны не убирал, и из них сооружали блиндажи, подобие землянок. Мертвые согревали своими телами живых.

–Трупы не воняли?

–В них не оставалось источников запахов. Это были кости, обтянутые кожей, и несколько ссохшихся комков мышц на ногах. Просыпаюсь утром от холода. Солнечный свет пробивается сквозь шторку. Вышел по нужде. А, когда заходил в свою землянку, пришлось шторку приоткрыть, и я увидел, как луч Солнца выхватил на противоположной «стенке» розовое яркое пятно на фоне темных одежд мертвецов. Я подошел к пятну и увидел через разорванный комбинезон, что

это надкушенная ягодица трупa. Жуткое чувство пронзило мозг! Боже, правый! Кто-то из наших пытался есть человеческую дохлятину! Я закрыл, как смог искусанную ягодицу одеждой. Кровь стучала в висках. Я стал соображать, как рассказать об увиденном командиру.

– Вы же были военнопленными! Должна же была выполняться конвенция по защите ваших прав. Фашисты превратили людей в животных!

– Йоган, я был потрясен! Но я понимал, что не каждому могу рассказать об увиденном. Могли произойти эксцессы и столкновения с охраной! Только после отъезда возниц, питающих нас брюквами, я поделился тревогой с командиром.

– Его не вырвало?!

– Нет! Он спокойно доел свою брюкву и выслушал меня. Похвалил за то, что не рассказал другим, а потом он на минуту задумался. Ему было под пятьдесят. Смотрит так на меня отстраненно, как-будто меня нет, и тихо сиплым голосом говорит: «Слушай, Шепеленко, следующую задницу начнут жрать твою! Тебя устраивает такая перспектива?». Потом он замолчал и начал озираться вокруг. Мне показалось, что он стал опасаться, не услышал ли, кто наш разговор. Он привстал и пошел к ближайшему трупу. Потом обошел еще нескольких. Остановился возле одного, который лежал лицом кверху, постоял и вернулся ко мне. Спрашивает: «Ты обратил внимание на того блондина, одетого в светлый пиджак? У него рот открытый, и кольцо на левой руке. Зо-

лото должно нас спасти! Только золото! Это единственный наш шанс!»

– Жуть!

– Командир предложил мне оповестить всех летчиков, а танкистов и артиллеристов он посвятит в план вместе с комиссаром. Он сказал, что надо делать все в тайне, и самое главное – не вызвать подозрений у охраны. Зубы и кольца снимать в полной темноте. Ну, вот целый месяц добывали это проклятое золото. Встал вопрос кому его давать. Сначала комиссар предложил подкупить охранника, но посчитали, что это рискованно да и охраннику, как военнослужащему сложно будет добраться до Парижа. Комиссар нашел знакомого француза – коммуниста из лагерников и попросил его переговорить с возчиком воды. Француз дал возчику несколько колец и попросил привезти бумагу и карандаш и пообещал ему еще золота. Написали записку в наше посольство, возчик сказал, что в Париж поедет его родственник. Через три дня француз приносит комиссару большую брюкву. В брюкве записка на русском: «Ждите комиссию». Через пару дней мы увидели, как из долины забираются на наш склон три машины. Они проехали лагерные ворота и остановились возле особняка коменданта. Из машин вышли люди в штатском и с помощью охранников установили три стола. Комендант объявил через рупор, что русские должны подойти к столам и зарегистрироваться. У всех лагерников ни у кого не было документов, но те, кто хоть немного знал русский были заре-

гистрированы. На следующий день подали грузовики, и нас отвезли на вокзал в крупном городе. Кажется, это был Лиепая. Разместили нас в плацкартных вагонах. В дороге давали в день по маленькой чашке бульона и по куску хлеба. С Белорусского вокзала мою группу, человек 150 -200 отвезли в какое-то здание в Марьиной роще. Недели две кормили бульоном, потом отправили в Крым в военный санаторий «10 лет Октября» в Алушку. Было запрещено выходить с территории санатория.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.